

И. А. Виноградов

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ЯЗЫКОВ МАЙЯ

Введение

Грамматические системы глагола в языках семьи майя имеют ряд особенностей, которые делают их весьма интересным объектом для грамматической типологии. В частности, одной из нетривиальных проблем майянской грамматики является выражение аспектуальных значений.

В рамках данной работы мы ставим перед собой две цели. Первая и основная наша задача — описать грамматическое выражение аспектуальных значений в отдельных языках майя и сравнить эти описания между собой. Мы не ставим задачи исчерпывающим образом описать аспектуальные системы всех языков семьи. Хотя языки майя и являются одними из наиболее изученных языков центрально-американского региона, на данный момент лингвистических сведений для полного описания даже небольшой части грамматики явно недостаточно. К тому же, многие материалы весьма труднодоступны, поскольку существуют только в печатном виде и находятся в библиотеках и архивах Мексики и Гватемалы. Таким образом, нами будут лишь намечены первые шаги в рамках внутригенетического типологического исследования аспектуальных систем языков майя. В дальнейшем, несомненно, наш анализ будет нуждаться в дополнениях и корректировках.

Вторая задача возникла непосредственно в ходе решения первой. Было обнаружено, что аспектуальные системы языков майя имеют ряд нетривиальных особенностей, которые могут оказаться интересными и полезными с точки зрения общей, а не только внутригенетической типологии. Мы постараемся выделить эти особенности и указать, чем, на наш взгляд, это может способствовать развитию типологии аспектуальных (а быть может, и не только аспектуальных) систем.

1. Семья майя: общие сведения

1.1. Социолингвистическая информация. Языковая семья майя насчитывает, по разным данным, от 30 до 80 языков. Это число варьирует, главным образом, из-за различий в определении самостоятельного или диалектного статуса отдельных идиомов, что вполне обычно для континуума близкородственных бесписьменных языков. Согласно [Lewis 2009], например, в семью майя входит 69 языков. В настоящей работе, однако, мы вслед за [Kaufmann 1990] и [Robertson 1992] будем исходить из того, что языковая семья майя состоит из 32 языков, а остальные языки, выделяемые исследователями, являются их диалектами. Всего на языках майя говорят более 6 миллионов человек (по данным [Lewis 2009]), проживающих в Мексике, Белизе и Гватемале. Ближайшими соседями языков семьи майя являются языки мишесоке, юто-ацтекские, отомангские (включая мистекские и сапотекские) и тотонакские [Wichmann 2005].

Майянская семья делится на шесть основных групп: чольско-цельтальскую (или просто цельтальскую), канхобаланскую, кичейскую, мамейскую, юкатекскую и уастекскую. Иногда кичейскую и мамейскую ветви объединяют в общую восточно-майяскую, как это представлено на приведенном ниже генетическом дереве (на основе аналогичного дерева в [Wichmann, Hull 2009: 874], см. схему 1)¹. Кроме того, некоторые исследователи объединяют также цельтальскую и канхобаланскую ветви в западно-майяскую, и таким образом получаются четыре основные группы языков майя (например, в [Kaufmann 1990]).

Крупнейшими языками майя по количеству говорящих являются киче (более миллиона носителей в центральных районах Гватемалы [Pue 2001]), юкатекский майя, или юкатек (примерно 800 тысяч носителей на полуострове Юкатан в Мексике и в Белизе [Wichmann 2005]) и какчикель (450 тысяч говорящих в Гватемале [Kaufmann 1990]).

¹ В работе, например, [Robertson 1992] генетическое дерево представлено с небольшими отличиями (*тохолабаль* относится к цельтальской группе, а *ишиль* и *авакатек* не выделяются в отдельную подгруппу). Генетическая классификация языков майя — отдельная и весьма сложная проблема, которую мы не будем затрагивать в рамках данной работы.

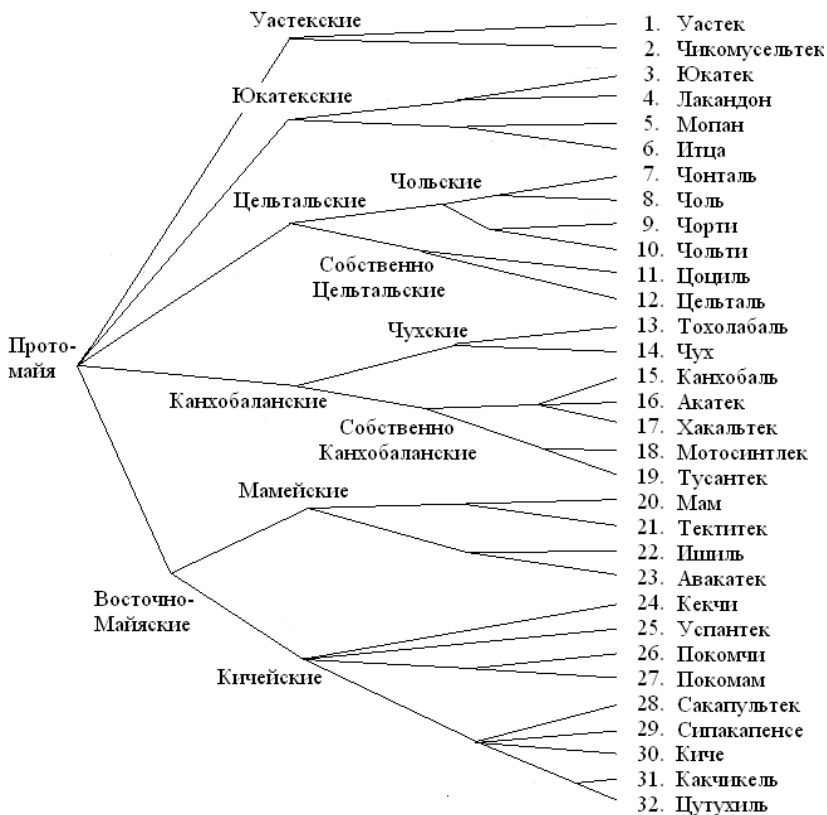

Схема 1. Генетическая классификация майянских языков²

Из представленных на схеме тридцати двух языков два являются мертвыми: это *чольти* и *чикомусельтек*. Несколько других языков находятся на грани исчезновения. Численность говорящих на мотосинтлеке (другое название — *мочо*) составляет 170 человек [Lewis 2009], на тусантеке — 100 [Kaufmann 1990], а на итца говорят всего 12 человек [Lewis 2009]. Все языки юкатекской ветви, за исключением юкатекского майя, находятся на грани вымирания [Wichmann, Hull 2009].

Несмотря на то, что у языков майя не слишком высокий социальный статус по сравнению с доминирующим на всей терри-

² Условные обозначения языков, принятые в данной работе, приводятся в конце статьи.

тории распространения майя испанским языком (и отчасти английским на территории Белиза), некоторые языки майя преподаются в школах. На языках какчикель, киче, мам, кекчи в Гватемале при поддержке общеобразовательных организаций выпускаются книги, в том числе и для детей дошкольного возраста. На юкатекском майя транслируются радиопередачи на некоторых радиостанциях Юкатана. Многие носители майянских языков грамотны, практически все из них наряду с майя знают и испанский язык.

В данной работе мы будем опираться, в основном, на материал языков цоциль, чоль, юкатек, цельталь. В несколько меньшей степени рассмотрим языки мам, авакатек, киче, цутухиль, итца. Эпизодически упоминаются и некоторые другие языки семьи.

1.2. Краткая грамматическая справка. Прежде чем перейти к рассмотрению аспектуальных систем, приведем краткую лингвистическую информацию, необходимую для дальнейшего исследования аспектуальной проблематики.

Фонетика языков майя характеризуется традиционной пятичленной системой гласных и достаточно необычной системой согласных. Вокалическая система состоит из пяти гласных фонем, которые в некоторых языках могут дополнительно противопоставляться по долготе (на письме долгота обычно обозначается удвоением соответствующей буквы). В некоторых языках есть шестая гласная фонема — среднего ряда верхнего подъема, традиционно обозначаемая в грамматиках символом *ä*. Для консонантной системы характерно прежде всего противопоставление простых и глоттализированных согласных, противопоставления же по глухости / звонкости нет [Ершова 1990]. Во всех языках майя как отдельная фонема присутствует гортанная смычка. В языках мамейской и канхобаланской групп присутствуют ретрофлексные аффрикаты и спиранты [Kaufmann 1990].

Что касается тонов и ударения, то здесь среди майянских языков нет единства. Тоновые отличия можно считать элементом фонологической системы лишь некоторых языков. Тоны есть в юкатекском майя, успантеке, мотосинтлеке и в одном из диалектов цоциля [Kaufmann 1990]. Закономерности ударения тоже весьма сильно различаются по языкам, а иногда и по диалектам одного и того же языка.

Графический стандарт для большинства языков майя стал разрабатываться лишь в последнее время благодаря инициативе государственных организаций Мексики и Гватемалы. Нередко в разных лингвистических работах, порой посвященных даже одному и тому же языку, для одинаковых звуков используются различные обозначения. В рамках данного исследования мы будем стараться нивелировать эти различия и записывать примеры из одного и того же языка в единой орфографической системе, наиболее близкой к традиционной латинской транскрипции. Так, например, если звук [k] в разных работах передается как *k*, *c* или *qu*, мы будем выбирать первый вариант. В целом, мы будем придерживаться принятой большинством майянистов записи, базирующейся на испанской орфографической традиции. Среди нестандартных обозначений выделим следующие: *x* — [š], *j* — [x] и *ch* — [č]. Гортанную смычку мы будем обозначать знаками ‘ (в начале слова или морфемы) и ’ (после гласных). Знак ’ после согласных обозначает глоттализацию предшествующего звука.

При глоссировании примеров мы не будем сохранять грамматические глоссы оригинала (если они там были), а будем использовать единую систему грамматических глосс, которая приведена в конце статьи и, как нам кажется, является наиболее адекватной с типологической точки зрения. Переводы примеров мы будем давать по-русски, в сложных и нетривиальных случаях оставляя также и перевод оригинала (по-английски или испански).

Для грамматической структуры языков майя характерна агглютинация. Существительные в майя не охарактеризованы по роду (согласовательному классу) и не изменяются по падежам [Ершова 1990]. Обязательное выражение числа встречается только у местоимений, а для существительных типично факультативное выражение множественного числа. В конструкциях с посессором посессивный показатель присоединяется к обладаемому:

- (1) *ky-witz xjaal*
МАМ ЗРЛ-голова человек
‘головы людей’ [England 1983: 142].

В отношении синтаксического строя языки семьи майя бывают либо полностью эргативными, либо эргативно-абсолютивными³;

³ В англоязычной литературе такой тип синтаксического маркирования обычно называется «расщеплённой эргативностью» («split ergativity»).

в последнем случае та или иная модель выбирается в зависимости от ряда факторов, среди которых в [Larsen, Norgman 1979] выделяются следующие: главное / придаточное предложение, наличие непосредственно перед глаголом существительного с показателем фокуса, аспект.

В первых лингвистических исследованиях языков майя у глагола выделялась грамматическая категория времени⁴, однако постепенно стало понятно, что это решение продиктовано влиянием грамматик европейских языков и не соответствует реальному майянскому материалу. Как кажется, сейчас майянисты уже полностью единодушны относительно того, что грамматической категории времени в языках майя нет. Временная соотношенность ситуации при необходимости выражается лексическими средствами. Например, типичная семантика плюсквамперфекта, когда одно событие предшествует другому событию в прошлом, в языке цоциль может передаваться с помощью комбинации двух наречий: *ta* и *ox*.

(2) *jul-em-un xa ox k'alal i-lik*
 TZO приходить-PF-1 **уже не.сейчас** когда PFV-начинаться
li jo'-e
 DEF дождь-DEF
 'Я уже пришел, когда начался дождь'. [Delgaty, Ruíz Sánchez 1986: 395]

Одну из ключевых ролей в глагольной морфологии языков майя играет свойство переходности глагола. В зависимости от переходности часто меняются средства выражения той или иной грамматической категории (или вообще запрещается употребление того или иного грамматического показателя). Так, например, в чоле показатель перфекта употребляется только с непереходными глаголами [Vázquez Alvarez 2002]. Почти во всех языках майя императив образуется по-разному от переходных и непереходных глаголов, что, вероятнее всего, является следствием эргативной стратегии⁵. Ср. примеры из хакальтека, где при переход-

⁴ Ср. упоминание о наличии у глагола категории времени в краткой энциклопедической статье [Ершова 1990] или, например, в грамматическом очерке, приложенном к словарю цоциля [Delgaty, Ruíz Sánchez 1986].

⁵ Принцип эргативности, когда по-разному маркируются субъект переходного глагола и субъект непереходного, вступает в противоречие

ных глаголах императив выражается чистой глагольной основой без какого-либо грамматического показателя, а при непереходных — суффиксом *-aj*:

(3) а. *hal hun-uj tzoti' w-et an*
ЯС говорить один-INDEF слово 1-к 1
'Скажи мне какое-нибудь слово'. [Craig 1977: 70]

б. *oc-aj pisy-aj*
ЯС входить-IMP садиться-IMP
'Входи, садись!' [там же]

В семантической зоне модальности в большинстве языков майя могут быть выделены две грамматические категории: наклонение и ирреалис⁶. Категория наклонения состоит из двух граммем (индикатив и императив), при этом граммема императива во многих майянских языках имеет очень узкую сферу употребления и используется только в «классических» контекстах положительного императива от второго лица. В некоторых языках сфера употребления еще уже, поскольку императивом могут маркироваться только переходные или только непереходные глаголы. При этом оставшиеся побудительные по своей семантике употребления обычно маркируются ирреалисом, который, наоборот, употребляется весьма широко, появляясь также при отрицании, при выражении цели, желания, контрафактического условия и ряда других значений, которые укладываются в установленную типологами общую картину употребления ирреалиса в языках мира, ср., например, [Bugenhagen 1993; Mithun 1995] или [Elliott 2000]. В некоторых языках семьи майя показатели ирреа-

с семантикой императива, которая всегда предполагает в качестве адресата субъект глагола. В эргативных языках, в отличие от номинативных, повеление оказывается направленным на разные актанты глагола: на «абсолютив» в том случае, когда глагол переходный, и на «эргатив», когда глагол непереходный. Подробнее об этом и, как следствие, о сближении императивного преобразования с залоговым см. [Гусев 2005].

⁶ В различных зарубежных работах по языкам майя понятию ирреалиса обычно соответствуют термины *subjuntivo* / *subjunctive* или *status dependiente* / *dependent status*; примечательно, что в более современных работах используется и термин *irrealis* (ср. статью [Polian 2007], посвященную ирреалису в цельтале).

лиса могут присоединяться не только к глаголам, но и к другим частям речи, ср. пример из цоциля, где в отрицательном контексте суффикс ирреалиса обязателен при существительном в предикативной позиции:

(4) *mi tu vinit-ik-ot?*

TZO Q NEG человек-IRR-2

‘Ты не человек?’ [Laughlin 1977: 68]

Числительные в майя устроены по вигезимальной системе [Wichmann 2005], при которой большинство слов образуется от числа ‘двадцать’ (для чисел от 21 до 399) или от числа ‘четыре-ста’. Сейчас есть тенденция к переходу на стандартную десятичную систему: из испанского языка заимствуются и активно используются слова для обозначения числительных ‘сто’ и ‘тысяча’. Для сочетания числительного с существительным во многих языках майя (прежде всего, юкатекских, цельтальских и канхобаланских) требуются специальные классификаторы, выбор которых весьма обширен⁷ и зависит от семантических характеристик существительного [Kaufmann 1990].

Нейтральный порядок слов большинства языков характеризуется начальной позицией глагола во фразе.

2. Формальное устройство майяских аспектуальных систем

2.1. Два типа аспектуальных систем. Некоторые языки семьи майя обладают нетривиальной особенностью, касающейся грамматического выражения аспекта: в этих языках в составе глагольной словоформы (а вернее, глагольного комплекса, поскольку некоторые грамматические значения часто выражаются с помощью клитик), как правило, присутствует сразу два грамматических показателя, передающих аспектуальные значения. При этом среди языков майя есть и такие, в которых категория аспекта устроена более «традиционным» образом, т. е. в глагольной словоформе предусмотрена только одна позиция для аспектуального показателя. Ниже приводятся примеры глагольных слово-

⁷ Ср., например, [Berlin 1968], где приводятся почти 500 различных классификаторов для языка цельталь.

форм из языков цельталь и авакатек (с одним аспектуальным показателем), где аспект выражен препозитивными частицами *ya* и *na* (примеры (5)), и из языков мопан и юкатек (с двумя аспектуальными показателями), где аспект выражается препозитивными частицами в сочетании с глагольным суффиксом (примеры (6)).

(5) а. *ya a-le-on*

TZE IPFV 2-искать-1SG

‘Ты меня ищешь’. [Polian 2007: 6]

б. *na kxh-w-il*

AVA IPFV 2-1-видеть

‘Я вижу тебя’. [Larsen 1994: 178]

(6) а. *tan in-lox-ik-ech*

MOP DUR 1-бить-IPFV-2

‘Я бью тебя’. [Larsen, Norman 1979: 354]

б. *ts'o'k a han-al*

YUC COMPL 2 есть-IPFV

‘Ты закончил есть’. (исп. Terminaste a comer) [Bricker 1981: 85]

Именно этот формальный признак — количество аспектуальных показателей в глагольной словоформе — мы положим в основу нашей классификации языков майя с точки зрения грамматического выражения аспекта. Аспектуальные системы первого типа (с одним аспектуальным показателем в составе глагольной словоформы) мы назовем «одноуровневыми». Им противопоставлены «двухуровневые» системы — это системы второго типа (с двумя аспектуальными показателями в составе глагольной словоформы). Так, согласно предложенному определению, языки цельталь и авакатек характеризуются одноуровневой аспектуальной системой, а языки мопан и юкатек — двухуровневой. В двухуровневых системах мы будем выделять два уровня аспектуальных показателей и, соответственно, два уровня аспектуальных грамем. Мы назовем эти уровни *верхним* и *нижним* и будем говорить о показателях и граммах верхнего и нижнего уровней.

Далее будут подробно рассмотрены оба типа систем на примерах конкретных языков: цоциль и чоль. Главным образом, нас будет интересовать набор аспектуальных грамем. При ана-

лизе двухуровневых систем также будет уделено особое внимание семантическим отношениям между граммемами разных уровней и возможным интерпретациям таких систем с точки зрения грамматической типологии и теории грамматики.

2.2. *Одноуровневая система (на примере языка цоциль).*

Обзор аспектуальной системы языка цоциль базируется, в основном, на данных грамматики [Naviland 1981] и текстов из сборников [Laughlin 1977] и [Laughlin 1980] (при анализе последних мы опирались также на словарь [Laughlin 1988]).

В цоциле категория аспекта различает четыре грамлемы: перфектив, имперфектив, перфект и проспектив. Хотя эти грамлемы формально выражаются в различных местах словоформы (есть как суффиксальные, так и префиксальные показатели, а иногда и препозитивные частицы), наличие одной из них полностью исключает наличие какой-либо другой. Таким образом, все эти грамлемы можно считать относящимися к одной и той же грамматической категории.

Перфектив выражается префиксами *l-* (для первого и второго лица подлежащего при непереходном / прямого дополнения при переходном глаголе) или *i-* (для третьего лица подлежащего / дополнения); в формах третьего лица показатель иногда может опускаться. Ниже приводятся лимитативные (примеры (7)) и пунктивные⁸ (примеры 8) употребления перфектива.

(7) а. *chib la k'ak'al k'in i-s-pas-ik*
 TZO два мол день праздник PFV-3-делать-PL
 'Два дня у них был праздник'. [Laughlin 1977: 210]

б. *oxib k'ak'al i-'ik'ub osil*
 TZO три день PFV-темнеть дневной.свет
 'На три дня наступила тьма'. [там же: 237]

(8) а. *j-likel i-s-p'as-be s-ne ta machita*
 TZO один-момент PFV-3-отрезать-APPL 3-хвост PREP мачете
 'Он мигом отрубил ему хвост с помощью мачете'. [там же: 32]

⁸ Мы не будем здесь разделять собственно пунктивные и комплетивные значения. Это требует весьма тщательного анализа лексического значения конкретных глаголов, который выходит за рамки данной работы.

б. *bweno i-lom ti te'-e*
 TZO хорошо PFV-валить DEF дерево-DEF
 'Ну вот, они повалили дерево'. [там же: 40]

От некоторых наиболее частотных глаголов перфективные формы образуются супплетивно: например, перфектив от глагола 'al 'говорить' в третьем лице имеет форму *xi*, которая крайне часто используется при описании диалогов — ср. ниже пример (10б).

Имперфектив образуется двумя способами: либо с помощью префикса *ch-*, либо с помощью препозитивной частицы *ta* и префикса *x-*⁹. Второй способ — это единственный случай, когда в языке цоциль в составе глагольной словоформы формально присутствуют два аспектуальных показателя. Ниже мы подробнее еще остановимся на том, стоит ли считать это «отголоском» двухуровневой системы. Эти способы образования имперфектива диахронически взаимосвязаны: префикс *ch* произошел в результате выпадения гласного *a* в *ta* и последующего слияния *t + x* в *ch* [Naviland 1981: 109].

По всей видимости, в современном языке обе формы примерно равноупотребительны (хотя можно предположить наличие диалектных различий) и выражают одинаковую семантику. Это именно имперфективное значение, поскольку встречаются как хабитуальные (см. примеры 9), так и дуративные употребления (см. примеры (10)).

(9) а. *o la j-kot t'ul, ta la*
 TZO имеется мол один-животное кролик IPFV мол
x-k'ot y-elk'an melon jujun 'ak'ubal
 IPFV-приходить 3-красть дыня каждый ночь
 'Жил-был кролик, который каждую ночь приходил воровать дыни'. [Laughlin 1977: 31]

б. *sil k'ak'al ta j-ti' kaxlan*
 TZO доля день IPFV 1-есть цыпленок
 'Каждый день я съедал цыпленка'. [там же: 194]

(10) а. *kavron k'usi ch-a-sa' li'*
 TZO мерзавец что IPFV-2-искать здесь
 'Мерзавец, что ты тут ищешь?' [там же: 32]

⁹ Префикс *x-* выпадает перед личными показателями *j-* (для первого лица) и *s-* (для третьего лица) — ср., например, предложение (9б).

б. «*k'usi ch-a-vok'ita?*» *xi* *ti bolom-e*
 TZO что **IPFV-2**-рыдать 3:PFV:говорить DEF тигр-DEF
 ‘«О чем ты плачешь?» — спросил тигр’. [там же: 45]

Перфект образуется с помощью суффиксов *-em* (от непереходных глаголов) и *-oj* (от переходных глаголов). Эти формы обозначают состояние субъекта, наступившее в результате действия, процесса или события, обозначенного глаголом («...el sujeto está en el estado que resulta de la acción o el proceso o el evento denotado por el verbo» [Naviland 1981: 102]).

(11) а. *xanav-em-on jun k'ak'al*
 TZO ходить-**PF-1** один день
 ‘Я ходил целый день’. [Naviland 1981: 103]

б. *s-maj-oj-on lek*
 TZO 3-бить-**PF-1** очень
 ‘Он меня сильно побил’. [там же: 227]

Проспектив маркирует подготовительную стадию ситуации и образуется с помощью суффикса *-ebal*.

(12) *yul-ebal xa li j'abtel-e*
 TZO приходить-**PROSP** уже DEF рабочий-DEF
 ‘Рабочий уже вот-вот придет’. [Naviland 1981: 124]

Проспектив — самая редкая аспектуальная граммема в цоциле, которая употребляется только с непереходными глаголами, главным образом — с глаголами движения. Так, в обширных сборниках цоцильских текстов [Laughlin 1977; Laughlin 1980] показатель проспектива встречается крайне редко, а случаев его употребления с переходным глаголом не нашлось вообще.

Подобным же образом устроены аспектуальные системы и ряда других языков семьи майя, хотя набор аспектуальных показателей может незначительно варьировать. По-видимому, во всех языках есть грамлемы перфектива, имперфектива и перфекта¹⁰. Этим набор аспектуальных грамлем в ряде языков может ограничиваться (например, из описания [Dayley 1985] можно сделать

¹⁰ О возможном исключении из этого правила см. ниже: возможно, в языках мам и авакатек отсутствует перфект.

вывод, что так обстоит дело в цутухиле). В других случаях к этим трем граммемам добавляется четвертая: в цоциле это проспектив, носящий явно маргинальный характер, а, например, в цельтале — прогрессив [Polian 2007].

Отдельно нужно сказать об аспектуальных граммемах мамейских языков. Среди этих граммем в авакатеке [Larsen 1994] и маме [England 1983] выделяются показатели «прошедшего» и «недавнего прошедшего» (*past / simple past* и *recent past*, соответственно). По всей видимости, под «прошедшим» в этих описаниях все-таки понимается перфектив. Характерно, что в более поздней работе [England 2007] этот показатель уже называется *комплетивом*, что соответствует сложившейся среди майянистов традиции противопоставлять комплетив и инкомплетив (в нашей терминологии это противопоставление перфектива и имперфектива). Более спорной представляется проблема «недавнего прошедшего». Как кажется, за этим показателем вполне может стоять семантика перфекта (тем более, что никакого другого показателя перфекта в этих языках нет, а имедиатные значения во многих языках синхронно и диахронически связаны с перфектом, ср., например, [Schwenter 1994]). При этом, с учетом всего материала языков майя, ситуация, когда в составе грамматической категории, граммема которой передают аспектуальные значения, встречается граммема, передающая временное значение, также не кажется неправдоподобной (подробнее о таких случаях будет сказано ниже, в части 3). Так или иначе, здесь, несомненно, требуются дальнейшие исследования и тщательный анализ мамейских текстов.

Другая интересная особенность присуща системам языков кичейской группы: цутухиля и киче. В этих языках глагол в форме имперфектива или перфектива (которые выражаются префиксально), находясь в конечной позиции во фразе, получает дополнительный суффикс. Если глагол стоит в середине фразы, этот суффикс не употребляется: ср. примеры (13) и (14).

(13) а. *ka-Ø-waz-ik*

КСН IPFV-3-есть-?

‘Он ест’. [Pye 2001]

б. *x-Ø-in-tij-oh*

КСН PFV-3-1-есть-?

‘Я это съел’. [там же]

(14) а. *ka-Ø-waz taj*
 КСН IPFV-3-есть NEG
 ‘Он не ест’. [там же]

б. *x-Ø-in-tij k'ut*
 КСН PFV-3-1-есть ЕМРН
 ‘Я все-таки это съел!’ [там же]

Как видно из примеров (13а) и (13б), этот суффикс имеет два алломорфа, выбор одного из которых зависит от переходности глагола.

Заметим, что в перфекте (который выражается суффиксально), никакого «дополнительного» суффикса даже на конце фразы не возникает: см. примеры 15 из языка цутухиль¹¹.

(15) а. *ee war-naq*
 TZU 3PL спать-PF
 ‘Они поспали’. [Dayley 1985: 77]

б. *at n-ch'ey-oon*
 TZU 2 1-бить-PF
 ‘Я побил тебя’. [там же]

Этот суффикс различается при переходных и непереходных глаголах: ср. примеры (13а) и (13б). Его семантика остается не совсем прозрачной. В [Pue 2001], например, отмечается, что этот суффикс одновременно передает значения переходности, аспекта и деривационного статуса глагола. Из-за чрезвычайной размытости значения и нетривиальных правил употребления мы пока не будем причислять его к грамматическим показателям аспекта в киче. Тем не менее, дальнейшие исследования могут помочь прояснить семантику и сферу употребления этого суффикса, и не исключено, что его аспектуальный характер все-таки будет подтвержден.

На схеме 2 представлены наборы аспектуальных грамем в некоторых языках с одноуровневыми системами.

Одноуровневая аспектуальная система характерна для большинства майянских языков: она выделяется как в уже рассмотренных выше цоциле, цельтале, киче, цутухиле, авакатеке,

¹¹ В киче ситуация точно такая же: [Mondloch 1981].

Схема 2. Аспектуальные грамлеммы одноуровневых систем

маме, так и в других языках майя; в частности, подобные системы представлены в кекчи, какчикеле, сипакапенсе и, возможно, некоторых других языках.

2.3. *Двухуровневая система (на примере языка чоль)*. Аспектуальная система языка чоль описывается на основании данных из обзора глагольной морфологии чоля [Vázquez Alvarez 2002] с дополнениями из диссертации [Coon 2010a]. Некоторые примеры взяты из сборника текстов [Relatos... 2002], при анализе которых использовался словарь [Aulie, Aulie 1978].

Единственный случай, когда при глаголе имеется только один показатель аспекта, — перфект. В языке чоль два показателя перфекта: оба суффиксальные и оба невозможны при переходных глаголах. Различия в их значении остаются не совсем очевидными (хотелось бы считать суффикс *-äl-* показателем результата, но оба суффикса сочетаются с любыми глаголами, в том числе с глаголами, обозначающими состояния: см. примеры (16))¹².

(16) а. *wäy-em-oñ*

CHL спать-PF-1

‘Я поспал (исп. He dormido)’. [Vázquez Alvarez 2002: 125]

¹² У этих суффиксов есть некоторые различия в употреблении: показатель из примера (16б) невозможен с пассивными глаголами, в отличие от показателя из примера (16а) [Vázquez Alvarez 2002].

б. *wäy-äl-oñ*

CHL спать-PF-1

 ‘Я поспал (исп. *Estoy dormido*)’. [там же: 126]

Вообще говоря, семантика перфектных суффиксов в чоле нуждается в дальнейшем изучении. Судя по примеру (17) с тем же глаголом *wäy* ‘спать’ из реального текста, а не из грамматики, суффикс *-äl-* вполне может иметь дополнительное значение прерванного или не доведенного до конца действия. Эта гипотеза, однако, может быть опровергнута при более детальном анализе чольских данных.

 (17) *weñ wäy-äl-oñ-lojoñ, che' bajche' i-xiñil=ix*

 CHL итак спать-PF-1-PL.EXCL когда как 3-середина=уже
abälel

ночь

‘Итак, мы спали, когда в середине ночи... [услышали, как кто-то приближается к тому месту, где мы находились]’. [Relatos... 2002: 80–81]

За исключением перфекта, во всех остальных случаях при глаголе имеются два показателя аспекта: *верхнего* и *нижнего уровня* (или просто верхние и нижние показатели). Показателями верхнего уровня мы будем называть те показатели аспекта, которые являются глагольными суффиксами и, как правило, выражают более общие значения. Показатели нижнего уровня — это препозитивные частицы, которые употребляются строго с определенным верхним показателем и только с ним и, как правило, выражают более частные значения (часто уточняющие значение верхнего показателя). Таким образом, согласно выбранной нами терминологии, описанные выше показатели перфекта будут относиться к верхним аспектуальным показателям. Помимо перфекта, в чоле есть еще два показателя верхнего уровня: имперфектив и перфектив. Они, в отличие от показателей перфекта, никогда не употребляются без показателей нижнего уровня.

При образовании перфектива используется препозитивная частица *tu* (примеры (18)), при образовании имперфектива — *mi* (пример (19)). На верхнем же уровне перфектив и имперфектив выражаются суффиксами *-ä/-Vñ*, *-V/-el*, *-le/-tyäl* или *-Ø/-V*¹³, соот-

¹³ Гласный суффикса гармонирует с гласным в корне.

ветственно (выбор одного из четырех возможных суффиксов осуществляется в зависимости от морфонологических и семантических характеристик основы).

(18) а. *tyi a-mek'-e-yoñ*

CHL PFV 2-обнимать-PFV-1

‘Ты меня обнял’. [Vázquez Alvarez 2002: 94]

б. *peru jiñi tzimiñ-i ma'añ tyi tyäl-i i-jisañ*

CHL но DEF тапир-DEF NEG PFV приходить-PFV 3-убивать

jiñi wiñik-i, kojach tyi k'oty-i tyi

DEF человек-DEF просто PFV прибывать-PFV PFV

wa'l-e tyi i-t'yejl tyi i-sub-e

останавливаться-PFV PREP 3-рядом PFV 3-говорить-PFV

‘Но тапир пришел не убить человека; он просто пришел, остановился рядом с ним и сказал ему...’ [Relatos... 2002: 58–59]

(19) *wajali mi i-jap-Ø kabäl lembal*

CHL то.время IPFV 3-пить-IPFV много ликер

‘В то время он много пил (букв. «пил много ликера»)’.
[Coon 2010b: 10]

Кроме имперфектива и перфектива существует еще целый ряд нижних аспектуальных показателей. Все они употребляются вместе с верхним показателем имперфектива. Сюда относятся показатели проспектива, инцептива, авертива и дуратива (см. примеры (20–23)).

(20) *keje k-wäy-el*

CHL PROSP 2-спать-IPFV

‘Я собираюсь спать’. [Vázquez Alvarez 2002: 115]

(21) *a-tyech wäy-el*

CHL 2-INCEP спать-IPFV

‘Ты засыпаешь’. [там же: 119]

(22) *kole k-wäy-el*

CHL AVER 1-спать-IPFV

‘Я собрался было спать’. [там же: 99]

(23) а. *chonkol k-yajl-el*

CHL DUR 1-падать-IPFV

‘Я падаю’. [Coon 2010a: 54]

б. *chonkol k-wäy-el*

CHL DUR 1-спать-IPFV

‘Я сплю’. [Vázquez Alvarez 2002: 109]

Показатели нижнего уровня по своему происхождению являются глаголами. Процесс грамматикализации некоторых из них в аспектуальные показатели еще не завершился, что выражается в возможности их согласования с глагольными актантами путем прибавления к ним (а не к смысловому глаголу) личных аффиксов: ср. примеры (21) и (22), где видно, что показатель инцептива менее грамматикализован, чем показатель авертива. Интересно, что конструкции с показателем *tyech* допускают двойное личное согласование, когда личный аффикс присоединяется как к аспектуальному показателю, так и к смысловому глаголу, ср. примеры (21) и (24).

(24) *a-tyech a-mek'-Ø-oñ*

CHL 2-INCEP 2-обнимать-IPFV-1

‘Ты начинаешь меня обнимать’. [Vázquez Alvarez 2002: 118]

Не все исследователи чоля единодушны во мнении, что показатели *chonkol*¹⁴ и *kole* являются именно показателями дуратива и авертива. Так, в [Vázquez Alvarez 2002] и [Coon 2010a] для показателя дуратива используется термин *progresivo*. Поскольку данный показатель маркирует срединную стадию не только у процессов, но и у состояний (ср. примеры (23а) и (23б), а также пример (25)), мы, следуя терминологии, предложенной в [Dahl 1985]¹⁵ и поддержанной в [Плунгян 2011] (ср. также [Bertinetto 2000]), будем называть его дуративом.

(25) *chonkol i-buch-tyäl*

CHL DUR 3-сидеть-IPFV

‘Он/она сидит’. [Coon 2010a: 37]

Показатель авертива в [Vázquez Alvarez 2002] называется громоздким термином *irreal en el pretérito*, подчеркивая, что данное действие могло произойти, но по каким-либо причинам не произошло. По сути, это проспектив, относящийся к прошедшему

¹⁴ В [Coon 2010a] этот показатель представлен как *choñkol*.

¹⁵ Эстен Даль, говоря о соотношении терминов «прогрессив» и «дуратив», замечает, что прогрессив обычно не используется со стативными предикатами и подчеркивает длительность процесса [Dahl 1985: 91].

времени. Это и есть типичная семантика авертива, обозначающего «особый тип развития ситуации, при котором существовали предпосылки для ее совершения, но тем не менее ситуация не была реализована» [Плунгян 2011: 386; ср. также Kuteva 1998].

Таким образом, в чоле представлены три аспектуальные граммемы верхнего уровня и шесть граммем нижнего уровня. Имперфектив и перфектив присутствуют на обоих уровнях. Перфект никогда не употребляется с какими-либо граммемами нижнего уровня и, таким образом, представляет собой единственное исключение из того правила, которое было сформулировано нами в начале этого раздела: о том, что в языках с двухуровневой системой в составе глагольной словоформы всегда есть два аспектуальных показателя. Большинство граммем нижнего уровня употребляются с граммемой имперфектива на верхнем уровне.

По-видимому, в чоле представлен один из самых редуцированных наборов аспектуальных граммем для языков с двухуровневыми системами (при том, что в чоле в общей сложности различается по крайней мере семь граммем аспекта!). На приведенной ниже схеме 3 систему чоля можно сравнить с одной из наиболее богатых двухуровневых систем¹⁶, представленной в юкатекском маяя (по данным грамматик [Andrade 1955; Bolles, Bolles 2004], а также работ [Lehmann 1993b; Krämer, Wunderlich 1999]; тонкими линиями соединены те граммемы разных уровней, которые могут сочетаться друг с другом в составе единой словоформы).

Особо стоит отметить два неожиданных факта, которые становятся очевидны на представленной схеме и которым пока, как кажется, нет удовлетворительного объяснения. Во-первых, неясно, какая именно разница есть в значениях граммем имперфектива и перфектива на нижнем и верхнем уровнях. Во-вторых, вообще не очень понятна семантика граммемы имперфектива нижнего уровня в юкатеке, поскольку там есть отдельные показатели и для дуратива, и для хабитуалиса. К. Леман (в грамматике юкатека, выложенной на его сайте: <http://christianlehmann.eu/ling/sprachen/maya>) замечает, что показатель имперфектива нижнего

¹⁶ В системе юкатека всего на один аспектуальный показатель больше, чем в системе чоля, но юкатек, как будет показано далее, также богат на показатели, передающие не чисто аспектуальную семантику.

Схема 3. Аспектуальные граммемы двухуровневых систем

уровня вообще не имеет никакой семантики и выражает «немаркированный аспект» («*aspecto no marcado*»), но при этом все равно называет его *imperfectivo*. Однако такое «отрицательное» объяснение не кажется удовлетворительным.

Ниже приведем примеры на комплетив и хабитуалис из юкатекского майя.

- (26) *yuum Nasáario-e' t-u tukult-ah ts'o'k u*
 YUC мастер Назарио-DEF PFV-3 думать-PFV COMPL 3
k'am-ik u meyah
 выполнять-IPFV 3 работа
 'Мастер Назарио подумал, что выполнил свою работу'.
 [Andrade, Máas Collí 1990]

- (27) *suk u hok'-ol*
 YUC НАВ 3 выходить-IPFV
 'Он (обычно) выходит'. [Bolles, Bolles 2004]

На этом, строго говоря, заканчивается только собственно аспектуальная часть глагольной системы юкатека. Не случайно в ряде исследований этого языка говорится об обобщенной ТАМ-категории — то есть такой грамматической категории гла-

гола, граммемы которой передают временные, аспектуальные и модальные значения. Аспектуальных граммем, несомненно, больше всего, что свидетельствует о том, что именно аспект находится в центре семантической области, выражаемой этой категорией. Но необходимо упомянуть и модально-временные значения, которые передаются совместно с аспектуальными в рамках единой грамматической категории. Здесь можно выделить еще, по крайней мере, пять граммем: *дезидератив*, *комиссив* (или *обязательное будущее*), *дебитив*, *недавнее прошедшее* (возможно, *иммедиатный перфект*), *гортатив*.

(28) *taak u hok'-ol*

YUC DES 3 выходить-IPFV

‘Он хочет выйти’. [Bolles, Bolles 2004]

(29) *he'l tak in kut-al han-al ti' u mayak-il*

YUC COM но 1 садиться-IPFV есть-IPFV LOC 3 стол-DEF

‘Но я сяду и поем за его столом’. [Andrade, Máas Collí 1990]

(30) *yan a man-ik*

YUC DEB 2 купить-IPFV

‘Ты должен купить это’. [Lehmann 1993b: 315]

(31) *táant in wen-s-ik-e'*

YUC PAST.IMM 1 спать-PAS-IPFV-DEF

‘Я только что уложил (его) спать’. [Blair, Vermont-Salas 1965]

(32) *ko'x uk'-ul*

YUC HORT пить-IPFV

‘Давайте выпьем!’ [там же]

Дезидератив выражает модальный оттенок желательности для говорящего, а показатель диахронически восходит к глаголу со значением ‘хотеть’, ‘желать’ [Krämer, Wunderlich 1999]. Показатель комиссива выражает гарантию, которую говорящий дает слушающему, относительно того, что действие, описываемое глаголом, непременно произойдет в будущем. Дебитив также выражает уверенность говорящего в том, что событие произойдет в будущем, и эта уверенность связана с необходимостью данного события. Показатель дебитива *yan* диахронически произошел от экзистенциального предиката *uáan* ‘иметься’ [Lehmann 1993b], а в современном языке, согласно К. Леману, значение необходимо-

сти постепенно утрачивается, оставляя лишь практически лишенное модального оттенка указание на будущее время.

Подчеркнем, что точный набор граммем нижнего уровня в юкатеке, как и четкую семантику большинства из этих граммем, еще предстоит уточнить. Сейчас мы не можем претендовать на то, чтобы представить исчерпывающий список этих показателей и в точности описать их значение. Названия граммем (и даже просто их наборы) сильно варьируют по разным исследованиям юкатекского майя. Например, показатель *yan* называется в [Bolles, Bolles 2004] «obligated future», в [Krämer, Wunderlich 1999] — «obligative» или «compulsive», в онлайн-грамматике К. Лемана — «debitivo/futuro». Названия, которые выбраны в нашей работе (в примерах (28–32) и далее (37–39), а также на схемах 4 и 5), являются в большой степени условными.

Интересно, что все проиллюстрированные выше граммемы являются граммемами нижнего уровня и на верхнем уровне сочетаются с граммемой имперфектива. Таким образом, схему 3 (вернее, ее часть, релевантную для юкатека), на которой были представлены исключительно аспектуальные граммемы, необходимо расширить следующим образом, включив туда модальные и временные и значения:

Схема 4. Аспектуальные, временные и модальные граммемы юкатека

В целом в языках майя двухуровневые аспектуальные системы представлены в языках юкатекской ветви и чольской подгруппы цельтальской ветви.

2.4. Различные подходы к описанию двухуровневых систем. Необходимо сделать несколько отдельных замечаний по поводу возможных трактовок двухуровневых систем с точки зрения грамматики. Действительно, выражение значений из близких семантических областей сразу в двух местах словоформы двумя морфологически совершенно разными показателями — явление достаточно нетривиальное. Мы имеем дело с двумя отдельными парадигмами показателей, которые сильно взаимосвязаны друг с другом.

В работах, где в той или иной степени обсуждается грамматическая структура глагольной словоформы в майянских языках, в основном, встречаются два подхода. Некоторые исследователи считают две различные парадигмы показателей, которые мы называем верхним и нижним уровнями, парадигмами разных грамматических категорий. Другие исследователи предпочитают один из уровней рассматривать исключительно с точки зрения синтаксиса, вообще не приписывая составляющим его показателям никакого грамматического статуса.

При первом подходе, показатели двух категорий в силу тех или иных семантико-синтаксических особенностей оказываются связанными друг с другом строгими правилами сочетаемости. Так, например, *хабитуалис* не может сочетаться с перфектом, а перфектив нижнего уровня — с имперфективом верхнего уровня. Это наглядно продемонстрировано на схемах 3 и 4, где сплошной тонкой линией соединены только те граммы, которые могут сочетаться друг с другом в рамках одной словоформы.

В то же время, семантические области, выражаемые этими двумя категориями, очень близки и едва ли не тождественны. Косвенным доказательством тому может служить тот факт, что в разных работах граммы одной из этих категорий могут называться совершенно так же, как в другой работе граммы другой категории. Так, например, если рассматривать граммы имперфектива и перфектива (как называем их мы) в юкатекском майя, то в работах [Bohnenmeyer 2002 и Krämer, Wunderlich 1999] для их обозначения приняты термины *перфектив / имперфектив* и *ком-*

плетив / инкомплетив. Но если в [Bohnenmeyer 2002] первый из них относится к показателям верхнего уровня, а второй — к показателям нижнего уровня, то в работе [Krämer, Wunderlich 1999] соотношение терминов и категорий в точности противоположно. Другой хороший пример — терминология, принятая в статье [Hofling 1994], посвященной проблеме залога в языке итца. Там аспектуальные суффиксы объединяются в категорию статуса, а препозитивные частицы — в категорию аспекта. И, что особенно примечательно, в обеих категориях есть грамлеммы «комплетива» и «инкомплетива».

Сторонники второго подхода, при котором одной из парадигм показателей приписывается только синтаксический статус, но не семантическое значение, могут придерживаться двух трактовок в зависимости от того, какую именно парадигму показателей они характеризуют с позиций синтаксиса. Иногда двухуровневые системы рассматриваются как системы с двумя глагольными основами (имперфективной и перфективной), от которых образуются те или иные аспектуальные формы. Так, например, в описании глагольной морфологии языка чоль [Vázquez Alvarez 2002] показатели верхнего уровня рассматриваются как морфемы, образующие ту или иную основу (при этом семантический статус этих основ не эксплицируется в грамматике), а собственно аспектуальными считаются только показатели нижнего уровня.

Противоположный вариант — считать показатели нижнего уровня (препозитивные частицы) вспомогательными глаголами (*auxiliaries, aspect auxiliaries* или *TAM-auxiliaries*) или, точнее, вспомогательными элементами, поскольку не все они являются глаголами (см. примеры (33), где нижние показатели перфектива и имперфектива в юкатеке являются префиксами, присоединяющимися к личному местоимению).

(33) а. *k-a p'áat-al-e'x y-éetel le tàak'in-o'*
 YUC IPFV-2 остаться-IPFV-PL 3-с DEF деньги-DEF
 'Вы оставите деньги себе <букв. «останетесь с деньгами»>'.
 [Andrade, Máas Collí 1990]

б. *t-u búukint-ah hun-p'éel ma'loob nòok'*
 YUC PFV-3 надеть-PFV один-CLF хороший одежда
 'Он надел хорошую одежду'. [там же]

Например, такое решение предлагается в специальном исследовании [Lehmann 1993b] на материале юкатекского майя. Категорию аспекта в этом случае составляют только показатели верхнего уровня.

Конечно, такие подходы дают представление лишь о формальном устройстве глагольной словоформы, тогда как о грамматическом статусе ни различных глагольных основ, ни вспомогательных элементов ничего не говорится. Но в то же время наличие таких трактовок подчеркивает тот факт, что с грамматической интерпретацией особенностей глагольного словоизменения в языках майя далеко не все ясно.

Как нам представляется, имеет право на жизнь также теоретический подход, при котором две парадигмы показателей объединяются в единую грамматическую категорию. Он, несомненно, требует серьезных обоснований в связи с пересмотром понятия грамматической категории, которая в таком случае должна быть устроена не просто парадигматически, поскольку нарушается правило взаимоисключительности граммем, а одновременно и парадигматически, и иерархически. Такая аспектуальная система во многом аналогична грамматическим системам с аспектуально охарактеризованными глагольными основами, которые представлены, например, в ряде дагестанских языков (см. статьи настоящего сборника [Майсак] или [Беляев], а также краткий обзор [Daniel, Lander 2011]). Особенность майянских систем заключается лишь в том, что в отличие от морфологически нечленимых основ, здесь мы имеем дело с четко выделяемыми суффиксами. В аспектуальных системах дагестанского типа часто происходит размывание категориального значения основы; с аналогом этого процесса мы сталкиваемся и применительно к языкам майя: сочетаемость суффикса имперфектива верхнего уровня с показателем, в частности, комплетива показывает, что имперфективность этого суффикса стирается.

Однако даже если придерживаться традиционного определения и говорить о двух отдельных грамматических категориях, необходимо проанализировать не только набор и семантику граммем каждой из них, но также морфо-синтаксические правила сочетаемости их показателей и семантические корреляции между их значениями. Иными словами, исследователь в любом случае вынужден описывать здесь не просто грамматические значения и даже не грамматические категории, а грамматическую систему

глагола в целом, что на данном этапе представляется отнюдь не простой задачей.

Наконец, необходимо упомянуть о еще одной возможной трактовке двухуровневой аспектуальной системы. В последнее время, главным образом, в связи с работами Дж. Кун (в основном на чольском материале [Coon 2010b; Coon 2010a]), активное развитие получила гипотеза о том, что суффикс имперфектива верхнего уровня является номинализатором и несет чисто синтаксические функции¹⁷. Эта гипотеза, выдвинутая с целью объяснения расщепленной эргативности, оказалась весьма полезной и для объяснения других явлений в языке чоль, в том числе и наличия двух аспектуальных показателей в составе одной словоформы.

В этом случае, согласно Дж. Кун, в имперфективе смысловой глагол оказывается номинализированным и никак не охарактеризован по аспекту, а показатель (глагол) нижнего уровня оказывается вершиной предикативной конструкции и, по сути, передает исключительно аспектуальное значение. При таком подходе получается, что в чоле всегда действует эргативно-абсолютивная модель согласования, а расщепленная эргативность является лишь иллюзией, поскольку в языках майя эргативные показатели совпадают с посессивными¹⁸. Такая трактовка почти позволяет избавиться от необходимости видеть в чоле двухуровневое устройство аспекта и отчасти поддерживается материалом других языков семьи, в которых суффикс номинализации *-Vl* совпадает по форме с одним из суффиксов имперфектива в чоле. Например, такое же происхождение имеет суффикс номинализации *-el* в цоциле:

(34) *tzitz-el* *no* *ox* *ch-a-k-ak'-be*
 TZO наказывать-NMLZ только не.сейчас IPFV-2-1-давать-APPL
 ‘Я тебя накажу <букв. «дам тебе наказание»>’. [Laughlin 1977: 32]

¹⁷ Сходная гипотеза (в связи с выражением в целом ряде языков семьи майя лично-числовых показателей при показателе дуратива, а не при смысловом глаголе) ранее уже высказывалась в работах [Robertson 1980] и [Kaufmann 1990].

¹⁸ Мы не будем останавливаться на феномене расщеплённой эргативности и его объяснении Дж. Кун. Более подробно об этом см. её работу [Coon 2010b] и диссертацию [Coon 2010a].

Такой подход, однако, не лишен недостатков. Во-первых, получается, что перфектив все равно имеет двухуровневое устройство; а значит, проблема двойного выражения аспекта полностью не снимается¹⁹. Во-вторых, в чоле не один, а четыре различных суффикса имперфектива, в том числе нулевой²⁰, и эти суффиксы в других языках аналогичных суффиксов номинализации не имеют²¹. В-третьих, кажется вполне вероятным, что номинализатор помимо чисто синтаксического значения может иметь и какую-то дополнительную семантику, в частности, аспектуальную, и тогда с семантической точки зрения такая трактовка ничем принципиально не отличается от других подходов, рассмотренных ранее.

3. Особенности майянских аспектуальных систем

Основными аспектуальными граммемами языков майя можно считать три грамлемы: перфект, перфектив и имперфектив. Они есть во всех (или почти во всех языках семьи — см. рассуждение о граммеме перфекта в двух мамейских языках в пункте 2.2), каким бы образом и на скольких «уровнях» ни выражался аспект, и при этом являются наиболее частотными. С типологической точки зрения, как уже отмечалось, наибольший интерес в

¹⁹ Проблема двухуровневости может быть снята, если сделать ещё одно допущение. Поскольку перфектив верхнего уровня сочетается с перфективом нижнего уровня и только с ним, можно считать, что перфектив, в отличие от прочих аспектуальных граммем, в языках с двухуровневыми системами имеет циркумфиксное выражение (то есть одновременно выражается и суффиксом, и препозитивной частицей).

²⁰ Сразу несколько алломорфов у суффиксов перфектива и имперфектива, включая нулевой, есть также в юкатеке и, по-видимому, во всех остальных языках с двухуровневым выражением аспекта. Этот факт сделал юкатекский майя объектом многочисленных исследований сторонников теорий неаккузативности и неэргативности. Поиску семантических и синтаксических закономерностей выбора того или иного суффикса посвящён целый ряд научных работ: например, [Lehmann 1993a; Krämer, Wunderlich 1999; Bohnemeyer 2002].

²¹ Попытки Кун приписать всем алломорфам перфективного суффикса и ряду алломорфов имперфективного суффикса какую-то другую семантику (или отсутствие семантики) [Coon 2010b: 11–12] кажутся не вполне убедительными.

плане аспектологии представляют языки с двухуровневыми аспектуальными системами. В этом разделе будут рассмотрены их основные особенности, а также будут проведены некоторые параллели с одноуровневыми системами.

Два уровня аспектуальных граммем часто находятся между собой в отношениях гипо-гиперонимии. У граммем верхнего уровня более общие значения, чем у граммем нижнего уровня, и при этом значения граммем нижнего уровня в большинстве случаев как бы уточняют значения граммем верхнего уровня. Получаются такие семантические конструкции, как, например, *«имперфектив, а именно дуратив»* или *«имперфектив, а именно хабитуалис»*. В данном случае выбирается сначала аспектуальный кластер (имперфектив), а затем более конкретное значение, входящее в этот кластер (дуратив или хабитуалис). Однако такая семантическая организация не всегда прослеживается настолько четко.

Есть неочевидные случаи, когда значение граммы нижнего уровня совпадает со значением граммы верхнего уровня (в случаях имперфектива и перфектива), о чем уже было сказано выше. В этом случае вместо «уточнения» семантики происходит своего рода «подтверждение», или «дублирование». Вероятно, здесь требуется более тщательный семантический анализ.

Второй случай нарушения отношений гипо- и гиперонимии — это сочетание с граммемой имперфектива граммем инцептива и комплетива, которые обычно относятся к перфективному, а не имперфективному кластеру. В [Плунгян 2011] отмечается, что семантическое соотношение между перфективом и имперфективом в языках может быть разным. Так, есть «узкий» перфектив, включающий в себя «событийные» ситуации, а есть «широкий» перфектив, который включает еще и значение лимитатива (когда в окно наблюдения целиком попадает длительная ситуация). Таким образом, понятие перфектива (а вместе с ним чаще всего и имперфектива, если в языке есть такое противопоставление) оказывается нестрогим.

Как кажется, в майя представлена еще одна «разновидность» перфектива. В этот кластер попадают все аспектуальные значения, характеризующие только ситуации, целиком вложенные в окно наблюдения (то есть пунктив и лимитатив), а все аспектуальные значения, характеризующие акционально связанные ситуации (в том числе и «событийные»), попадают в кластер им-

перфектива. Такую разновидность «широкого» перфектива (именно широкого, поскольку в него попадает лимитатив) можно было бы назвать «суженным», а противопоставленный ему имперфектив — «расширенным». В утвердившейся среди майянистов традиции принято называть эти кластеры *комплетивом* и *инкомплетивом*, что удачно отражает факт попадания или непопадания в окно наблюдения всего действия в целом. Однако с типологической точки зрения такая терминология кажется неудачной из-за того, что термин *комплетив* уже занят для обозначения отдельной акционально связанной событийной ситуации, а термином *инкомплетив* в [Плунгян 2011] предлагается обозначать особый аспектуальный кластер, совмещающий значения прогрессива и результата.

Учитывая «суженность» перфектива и «расширенность» имперфектива в языках майя, тезис о том, что граммы верхнего и нижнего уровней находятся между собой в отношениях гипо- и гиперонимии, только подтверждается, а проблема сочетаемости инцептива и комплетива с имперфективом снимается. Вопрос о том, насколько типологически обоснованным является выделение еще одного типа перфективного кластера, несомненно, требует дальнейших исследований. Если в результате этих исследований в каких-либо языках мира будут найдены кластеры суженного перфектива и расширенного имперфектива, подобные майянским, это, с одной стороны, подтвердит правомерность выделения таких кластеров в языках майя, а с другой стороны, возможно, потребует корректировки не совсем удачной терминологии.

Другой интересной особенностью аспектуальных систем языков майя (причем не только двухуровневых, но и одноуровневых) является особый статус граммы перфекта. По ряду морфолого-синтаксических признаков перфект выделяется из общего набора аспектуальных грамм.

В языках с двухуровневым выражением аспекта он никогда не употребляется с граммами нижнего уровня, то есть в этих языках перфект — это единственная аспектуальная грамма, которая имеет одноуровневое выражение.

В подавляющем большинстве языков семьи (а может быть, и во всех, если считать препозитивный показатель недавнего прошедшего в языках мамейской ветви именно показателем вре-

мени, а не перфекта, см. выше, 2.2) перфект выражается исключительно суффиксально. Все другие аспектуальные граммемы могут быть выражены глагольными аффиксами (префиксами или суффиксами), препозитивными частицами или сочетанием этих средств, причем способы выражения той или иной граммемы могут сильно варьировать по языкам. Так, к примеру, имперфектив в цоциле выражается либо сочетанием препозитивной частицы и глагольного префикса, либо только префиксом, в юкатеке он выражается префиксом при личном местоимении и глагольным суффиксом, в чоле — препозитивной частицей и глагольным суффиксом.

Кроме того, перфект всегда тесно связан с переходностью глагола. Эта связь может проявляться в запрете перфектных форм от переходных глаголов (как в чоле) или в выборе разных суффиксов перфекта в зависимости от переходности (как в цельтале или киче).

Наконец, еще одна особенность перфекта заключается в том, что в языках с одноуровневыми системами он никогда не нейтрализуется при отрицании, как это иногда может происходить с граммемами перфектива и имперфектива. Например, в цоциле в ряде отрицательных контекстов различия между перфективом и имперфективом стираются, и стираются в пользу имперфектива (примеры (35))²². Перфект же при отрицании всегда сохраняется (пример (36)).

(35) а. *mi ch-a-bat? muk' x-i-bat*
 TZO Q IPFV-2-идти NEG IPFV²³-1-идти
 'Ты идешь? Я не иду'. [Naviland 1981: 118]

б. *mi l-a-bat? muk' x-i-bat*
 TZO Q PFV-2-идти NEG IPFV-1-идти
 'Ты ушел? Я не ушел'. [там же]

²² Как видно из примеров (34), в обоих случаях при отрицании глагол оформляется показателем имперфектива. О несовместимости имперфектива и перфектива с отрицанием см. типологическое исследование [Miestamo, van der Auwera 2011].

²³ Глоссирование префикса *x-* как имперфективного — своего рода упрощение реальной картины. Семантика этого префикса не вполне ясна и нуждается в дальнейших исследованиях. Например, в грамматике [Naviland 1981] он называется «aspesto neutral», и тем самым подчеркивается его функция «заполнителя» аспектуальной валентности в контекстах нейтрализации противопоставления имперфектива и перфектива.

- (36) *li' to, muk' bat-em-Ø*
 TZO здесь еще NEG идти-PF-3
 'Он еще здесь, он не ушел'. [Naviland 1981: 103]

Необычное поведение показателей перфекта по сравнению с показателями других аспектуальных значений может свидетельствовать о специфичности семантики перфекта среди прочих аспектуальных граммем. Б. Комри [Comrie 1976] и Э. Даль [Dahl 1985] во многом исходили из бинарного противопоставления аспекта (имперфектив vs. перфектив), не считая перфект в полной мере аспектуальной граммемой. Не случайно перфект в [Dahl 1985] рассматривается в отдельной главе, а не в главе об аспекте. Конечно, в языках майя категория аспекта, как мы видели, не бинарна; граммема перфекта находится в отношении дополнительного распределения с любыми аспектуальными граммемами и поэтому, несомненно, входит в состав грамматической категории аспекта. Тем не менее, обсуждаемые выше свойства майянского перфекта обособляют его внутри аспектуальной системы этих языков.

Наконец, нужно выделить еще одну, возможно, ключевую особенность двухуровневых аспектуальных систем. Эти системы не являются в чистом виде аспектуальными. Как было показано на примере юкатекского майя, в них часто входят также граммемы, передающие временную и/или модальную семантику. Строго говоря, граммемами, представленными на схеме 4, ТАМ-категория юкатека не исчерпывается. В нее органично вписывается категория ирреалиса. На верхнем уровне в схеме появляется четвертая граммема — ирреалис, а на нижнем уровне с ней будут сочетаться еще некоторые граммемы, представленные в примерах (37–39).

- (37) *úuch k'oha'nchah-k-ech máasima'?*
 YUC PAST.REM болеть-IRR-2 не.так.ли
 'Ты <давно> болел, не так ли?' [Blair, Vermont-Salas 1965]
- (38) *káa xi'k ti' le noh beeh-o'*
 YUC OPT идти:IRR LOC DEF большой дорога-DEF
 'Пусть он идет по большой дороге'. [Andrade, Máas Collí 1990]
- (39) *bin hok'-ok-Ø*
 YUC FUT выходить-IRR-3
 'Он выйдет'. [Bolles, Bolles 2004]

Вспомогательный элемент *úuch* обозначает давнопрошедшее время (*pasado remoto*), причем акцент делается не просто на том, что действие состоялось в прошлом, а, главным образом, на величине временной дистанции, разделяющей момент совершения действия и момент произнесения данной фразы. В [Bolles, Bolles 2004] этому показателю также приписывается перфектная семантика актуальности в данный момент результата действия, совершенного в далеком прошлом. Диахронически показатель удаленного прошедшего восходит к глаголу со значением ‘происходить, случаться’. Показатель *káa*, называемый в [Bolles, Bolles 2004] «suggested future», по-видимому, имеет типично оптативную семантику: говорящий выражает свое желание относительно того, чтобы действие было совершено в будущем. Показатель *bin* из всех показателей с семантикой будущего времени (см. рассмотренные в разделе 2.3 показатели дебитива, комиссива, дезидератива, а также упомянутый чуть выше оптатив) имеет наиболее нейтральное значение, возможно, вообще без модального оттенка.

Таким образом, глагольную ТАМ-катеорию юкатекского майя можно схематически изобразить следующим образом:

Схема 5. Устройство ТАМ-категории в юкатеке

Возможно (в том числе, в связи с проблемой недавнего прошедшего времени в мамейских языках), имеет смысл говорить о ТАМ-категории и в некоторых языках с одноуровневыми системами. Конечно, семантическое ядро этой категории в таких языках будет еще сильнее смещено в сторону аспектуальных значений, но называть эту категорию *аспектом* было бы не совсем корректно.

Вообще, объединение категорий ирреалиса и аспекта (или ТАМ-категории) в одну категорию в юкатеке и некоторых других языках (причем не только с двухуровневым выражением аспекта, но и с одноуровневым — в языках типа киче и цутухиля, см. пункт 2.2) проводилось в целом ряде работ по майянистике. Эта общая категория в таком случае обычно называется достаточно размытым (и потому неудачным) термином *статус*, что подчеркивает необыкновенно широкую семантику входящих в нее граммем перфектива, имперфектива, ирреалиса (и иногда перфекта). Более частные значения выражаются с помощью отдельных вербантов — показателей нижнего уровня, которые составляют еще одну грамматическую категорию, которую можно было бы назвать «интерпретирующей». Ее граммемы, также передающие аспектуальную, модальную и, возможно, также и временную семантику, обязательно употребляются вместе с граммемами категории статуса и тем или иным образом интерпретируют их значения.

Вообще, невозможность сочетания в составе одной глагольной словоформы показателей аспекта и ирреалиса является, по всей видимости, универсальным свойством языков всей семьи майя, в том числе и таких языков, где аспект имеет одноуровневое выражение. Например, на этот факт обращается внимание в грамматике мама [England 1983]. На примере языка цоциль о невозможности сочетания ирреалиса и аспекта говорится и в нашей работе [Виноградов 2009]. Тем не менее, существующих на данный момент сведений, как нам кажется, недостаточно, чтобы полностью отказаться от выделения категорий аспекта и ирреалиса по отдельности во всех языках майя и рассматривать только объединенную ТАМ-категию.

Интересно обратить внимание на ареальное распространение языков с двухуровневыми системами. Такие системы, как уже говорилось, характерны для языков юкатекской ветви и

чольской группы цельтальской ветви, которые распространены в равнинной части майянского ареала (на полуострове Юкатан в Мексике и на севере Гватемалы), в отличие от всех остальных языков, на которых говорят жители горных районов на юге зоны распространения семьи майя. Вероятно, это тоже неслучайно. Еще в первой половине XX века А. Крёбер, один из классиков американской антропологии и этнографии, отмечал различия между языками и культурой горных («upland», или «highland») и равнинных («lowland») майя [Kroeber 1939].

Деление на равнинный и горный ареалы, как это часто бывает, не является в полной мере строгим. Есть языки, которые занимают в известной степени промежуточное положение и обладают общими свойствами как с той, так и с другой ареальной группой. Это, в первую очередь, касается языков цельтальской и уастекской групп.

Среди различий между горными и равнинными языками, помимо различий в выражении аспекта (или даже всей системы вербантов в целом, как было показано выше), есть также и ряд других. Например, для равнинных языков (включая уастекскую и цельтальскую ветви) характерен суффикс номинализации *-el*, одновременно являющийся показателем «континуатива» [Robertson 1992: 92])²⁴. Есть различия и в лексике: например, в [Robertson 1992] указывается на разную этимологию терминов родства и некоторых числительных (в том числе для обозначения ‘200’ и ‘8000’ — «базовых» числительных при вигезимальной системе) в равнинных и горных языках. Именно в равнинных языках юкатекской и чольской групп после распада общего протомайянского языка возникло явление расщепленной эргативности [Robertson 1992], которое затем распространилось на другие языки, в числе которых и такие горные языки, как ишиль, покомам, какчикель.

В завершение сделаем несколько замечаний, касающихся диахронического развития аспектуальных систем. На примере

²⁴ Это является ещё одним свидетельством того, что концепция Дж. Кун о выражении имперфекта с помощью номинализованной клаузы не противоречит нашей идее о двухуровневом выражении аспекта, поскольку показатель номинализации одновременно передаёт семантику, близкую к имперфективной.

юкатекского показателя комплетива можно проследить три стадии грамматикализации глагола в префиксальный аспектуальный показатель нижнего уровня [Lehmann 1993b]. При этом промежуточной стадией является препозитивная аспектуальная частица. Именно в этой стадии находится большинство аспектуальных показателей юкатекского майя, за исключением показателей перфектива и имперфектива, которые уже грамматикализовались в префиксы (и отчасти показателя комплетива, как это видно из примера (40в)).

(40) а. *h ts'o'k-Ø u tsikbal y-éetel le*
 YUC PFV **заканчивать**-PFV 3 говорить 3-с DEF
hala'ch wíinik-o'
 почтенный человек-DEF
 'Он закончил разговаривать с королем'. [Andrade, Máas Collí 1990]

б. *ts'o'k a meyah-Ø*
 YUC **COMPL** 2 работать-IPFV
 'Ты закончил работать'. [Lehmann 1993b: 315]

в. *ts'-a meyah-Ø*
 YUC **COMPL-2** работать-IPFV
 'Ты закончил работать'. [там же]

Таким образом, можно сделать вывод, что изначально в аспектуальной системе юкатека были только показатели верхнего уровня (имперфектив, перфектив и перфект), и система была одноуровневой. Затем начался процесс грамматикализации глаголов с соответствующей семантикой (например, наиболее очевидные случаи: *начинать* — в инцептив, *заканчивать* — в терминатив) в аспектуальные показатели, и система стала двухуровневой, поскольку основные аспектуальные показатели (показатели верхнего уровня) по-прежнему сохраняются.

Вполне вероятным кажется предположение о том, что двухуровневые системы должны быть крайне неустойчивыми. Возможно, подтверждением тому является язык цоциль, в котором тоже обнаруживаются следы «двухуровневости». В [Robertson 1987] и [Robertson 1992] реконструируются исконные показатели перфектива и имперфектива **n*- и **x*-, соответственно. В совре-

менном языке они были заменены «новыми» показателями *l-* и *ch-* (или *ta x-*)²⁵. Эти показатели произошли от глаголов *laj* ‘заканчивать’ и *ta* ‘находить’ (более подробно см. в [Robertson 1987]). Таким образом, в форме *ta x-* сочетаются «новый» и «старый» имперфективные показатели, что позволяет рассматривать двухуровневость выражения аспекта как переходный период, который в истории цоциля уже пройден. Смена одной парадигмы показателей на другую не происходит моментально; некоторое время обе парадигмы сосуществуют. Этот принцип в теории грамматикализации известен под названием «layering principle», или «принцип наслаивания»²⁶, который впервые был сформулирован американским лингвистом Полом Хоппером следующим образом: «В пределах некоторой широкой функциональной области постоянно возникают новые слои, при этом старые не обязательно выходят из употребления, но могут сосуществовать и вступать во взаимодействие с новыми» [Hopper 1991] (цит. по [Сичинава 2008: 119]).

Двухуровневая аспектуальная система характеризует, таким образом, период перехода от одноуровневой системы с одной парадигмой показателей к одноуровневой системе с другой парадигмой показателей. Возможно, именно этим объясняется наличие граммем перфектива и имперфектива на обоих уровнях в языках с двухуровневыми системами.

4. Заключение

В языках семьи майя представлено два типа аспектуальных систем. В составе глагольной словоформы может быть или один аспектуальный показатель (это характерно для языков горной части), или два (это языки преимущественно равнинной части ареала). Для языков второго типа в данной работе было введено понятие «двухуровневой аспектуальной системы», которому противопоставлена «одноуровневая аспектуальная система», характерная для языков майя первого типа и, по всей видимости, для большинства языков мира.

²⁵ В уиштанском диалекте цоциля показатель перфектива *n-* сохранился (см., например, [Robertson 1992]).

²⁶ Подробнее на русском языке см., например, [Сичинава 2008].

При всем отмеченном разнообразии языков майя различия между языками с двухуровневым и с одноуровневым выражением аспекта не столь фундаментальны. Наборы аспектуальных граммем в языках с одноуровневыми системами и наборы показателей верхнего уровня в языках с двухуровневыми системами в основном совпадают: туда входят имперфектив, перфектив и перфект. Показатели нижнего уровня (некоторые из которых уже в полной мере грамматикализировались, а некоторые еще находятся на более ранних этапах грамматикализации, по-прежнему проявляя отдельные свойства самостоятельных глаголов) «усложняют» эту систему и по сути добавляют к одноуровневой системе еще один уровень.

С типологической точки зрения двухуровневая система, несомненно, представляет собой значительный интерес. Такая сложная система выражения грамматических значений может быть связана со сложным устройством соответствующей семантической зоны, тем более что совместно с аспектом в языках майя нередко выражаются также значения, традиционно причисляемые к временным и модальным. При этом языки майя (прежде всего, языки чольской и цельтальской групп) идут не по наиболее распространенному пути, когда большая семантическая зона как бы дробится на более мелкие, за которые «отвечают» отдельные грамматические категории, а целиком сохраняют семантическую зону, покрывающую большинство грамматических значений глагола, сопоставляя ей две тесно связанные друг с другом грамматические категории, которые по-разному детализируют значения этой семантической зоны. Одна грамматическая категория состоит из небольшого числа граммем, имеющих достаточно общие значения, а другая, «интерпретирующая» грамматическая категория, наоборот, располагает большим числом граммем с достаточно частными значениями, которые соответствуют тем или иным граммемам первой категории, что грамматически выражается в тесной взаимосвязи и строгих правилах сочетаемости граммем этих двух категорий.

Конечно, в майянской аспектологии по-прежнему остается целый ряд вопросов, которые требуют дальнейшего изучения. Какова семантика граммем перфектива и имперфектива нижнего уровня и как она соотносится с семантикой соответствующих граммем верхнего уровня? Каков точный набор граммем ТАМ-

категории и какова их семантика? Насколько редкими, периферийными являются все граммемы аспекта кроме перфекта, перфектива и имперфектива в языках с одноуровневыми системами? Каковы грамматический статус и семантика «деривационно-аспектуального» суффикса в языках типа киче или цутухиля, и не обладают ли эти языки двухуровневыми системами? Как часто в рамках единой грамматической категории вместе с аспектом выражаются значения из семантических областей модальности и времени? На эти и многие другие вопросы еще предстоит дать ответ.

Сокращения

Глоссы

(за основу взяты лейпцигские правила глоссирования)

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; APPL — аппликатив; AVER — авертив; CLF — классификатор; COM — комиссив; COMPL — комплетив; DEB — дебилитив; DEF — определенный (артикле); DES — дезидератив; EMPH — эмфатическая частица; EXCL — эксклюзивность; FUT — будущее время; HAB — хабитуалис; HORT — гортатив; IMP — императив; INCEP — инцептив; INDEF — неопределенный артикле; IPFV — имперфектив; IRR — ирреалис; LOC — локативная частица; NEG — отрицание; NMLZ — номинализатор; OPT — оптатив; PAS — пассив; PAST.IMM — недавнее прошедшее; PAST.REM — удаленное прошедшее; PF — перфект; PFV — перфектив; PL — множественное число; PREP — предлог; PROSP — проспектив; Q — вопросительная частица; SG — единственное число

Языки

awa — авакатек; chl — чоль; jac — хакальтек; kch — киче; mam — мам; mop — мопан; tze — цельталь; tzo — цоциль; tzu — цутухиль; yuc — юкатекский майя

Библиография

- Беляев — О. И. Беляев. Аспектуально-временная система аштынского даргинского // Настоящий сборник.
- Виноградов 2009 — И. А. Виноградов. Категория ирреалиса в языке цоциль. Доклад, прочитанный на 6-й Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 26–28 ноября 2009 г.
- Гусев 2005 — В. Ю. Гусев. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2005.

- Ершова 1990 — Г. Г. Ершова. Майя-киче языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990. С. 278–279.
- Майсак — Т. А. Майсак. Причастные формы в видовременной системе агульского языка. Настоящий сборник.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Сичинава 2008 — Д. М. Сичинава. Синонимия грамматических показателей: теоретические подходы лингвистики XIX–XXI веков. II Постструктуралистские подходы // Вопросы языкознания 5, 2008. С. 116–133.
- Andrade 2005 — M. J. Andrade. A grammar of Modern Yucatec. Chicago: University of Chicago Library, 1955.
- Andrade, Máas Collí 1990 — M. J. Andrade, H. Máas Collí (eds.). Cuentos mayas yucatecos. U tsikbalilo'ob Mayab. (Uuchben tsikbalob.) Tomo I. Mérida: Universidad Autónoma de Yucatán, 1990. <http://christianlehmann.eu/ling/sprachen/maya/textos/index.html>.
- Aulie, Aulie 1978 — H. W. Aulie, E. W. Aulie. Diccionario Ch'ol. Tercera edición. Serie de Vocabularios y Diccionarios Indígenas «Mariano Silva y Aceves», 121. México D. F.: El Instituto Lingüístico de Verano, 1978/2009.
- Berlin 1968 — B. Berlin. Tzeltal numeral classifiers: a study in ethnographic semantics. (= Janua linguarum, series practica, 70.) The Hague: Mouton, 1968.
- Bertinetto 2000 — P. M. Bertinetto. The progressive in Romance, as compared with English // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. B.: Mouton de Gruyter, 2000. P. 559–604.
- Blair, Vermont-Salas 1965 — R. W. Blair, R. Vermont-Salas. Spoken (Yucatec) Maya, 1. Chicago: University of Chicago, 1965. <http://christianlehmann.eu/ling/sprachen/maya/textos/index.html>.
- Bolles, Bolles 2004 — D. Bolles, A. Bolles. A Grammar of the Yucatecan Mayan language. FAMSI, New Hampshire: online edition, 2004. <http://www.famsi.org/research/bolles/grammar/index.html>.
- Bohnemeyer 2002 — J. Bohnemeyer. Activity nouns, unaccusativity, and argument marking in Yukatekan. Paper presented at the SSILA meeting, Special Session: Denominal Verbs in the Languages of the Americas. San Francisco, 4–5 January 2002.
- Bricker 1981 — V. R. Bricker. The source of the ergative split in Yucatec Maya // Journal of Mayan Linguistics 2.2, 1981. P. 83–127.
- Bugenhagen 1993 — R. D. Bugenhagen. The semantics of irrealis in the Austronesian languages of Papua New Guinea // G. P. Reesink (ed.). Topics in descriptive Austronesian linguistics. Leiden: Rijksuniversiteit Leiden, 1993. P. 1–39.

- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Coon 2010a — J. Coon. *Complementation in Chol (Mayan): A theory of split ergativity*. Ph. D. Diss. Cambridge, Massachusetts Institute of Technology, 2010.
- Coon 2010b — J. Coon. *Rethinking split ergativity in Chol* // *International Journal of American Linguistics* 76, 2010. P. 207–253.
- Craig 1977 — C. G. Craig. *The Structure of Jacaltec*. Austin — London: University of Texas Press, 1977.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford — N. Y.: Basil Blackwell, 1985.
- Daniel, Lander 2011 — M. Daniel, Yu. Lander. *The Caucasian languages* // B. Kortmann, J. van der Auwera (eds.). *The Languages and Linguistics of Europe: A Comprehensive Guide*. Berlin: Mouton, 2011.
- Dayley 1985 — J. P. Dayley. *Tzutujil grammar*. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Delgaty, Ruíz Sánchez 1986 — A. H. V. Delgaty, A. Ruíz Sánchez. *Diccionario Tzotzil de San Andrés con Variaciones Dialectales. Serie de Vocabularios y Diccionarios Indígenas «Mariano Silva y Aceves»*, 22. México D. F.: El Instituto Lingüístico de Verano, 1986.
- Elliott 2000 — J. R. Elliott. *Realis and irrealis: Forms and concepts of the grammaticalisation of reality* // *Linguistic Typology* 4, 1, 2000. P. 55–90.
- England 2007 — N. C. England. *Los usos y funciones de los marcadores «ergativos» (Juego A) en Mam (Maya)*. Paper presented at the Conference on Indigenous Languages of Latin America — III. Austin, Texas, 25–27 October 2007.
- England 1983 — N. C. England. *A grammar of Mam, a Mayan language*. Austin: University of Texas Press, 1983.
- Haviland 1981 — J. B. Haviland. *Sk'op Sotz'leb — el tzotzil de San Lorenzo Zinacantán*. México D. F.: Universidad Nacional Autónoma de México, 1981.
- Hofling 1994 — C. A. Hofling. *Transitivity and voice in Itzaj Maya: Minor voices* // R. Zavala Maldonado (ed.). *Función 15–16: Estudios sobre lenguas mayas*, 1994. P. 261–286.
- Hopper 1991 — P. J. Hopper. *On some principles of grammaticization* // E. Traugott, B. Heine (eds.). *Approaches to Grammaticalization*, I. Amsterdam: John Benjamins, 1991. P. 17–36.
- Kaufmann 1990 — T. Kaufmann. *Algunos rasgos estructurales de los idiomas Mayances con referencia especial al K'iche'* // N. C. England, S. R. Elliott (eds.). *Lecturas sobre la lingüística maya*. Guatemala: CIRMA, 1990.

- Krämer, Wunderlich 1999 — M. Krämer, D. Wunderlich. Transitivity alternations in Yucatec, and the correlation between aspect and argument roles // *Linguistics* 37, 3, 1999. P. 431–479.
- Kroeber 1939 — A. L. Kroeber. *Cultural and Natural Areas of Native North America*. University of California Publications in American Archaeology and Ethnology, 39. Berkeley: University of California Press, 1939.
- Kuteva 1998 — T. Kuteva. On identifying an evasive gram: action narrowly averted // *Studies in language* 22, 1, 1998. P. 113–160.
- Larsen 1994 — T. W. Larsen. Deictic and Non-deictic Directionals in Awakatek // R. Zavala Maldonado (ed.). *Función 15–16: Estudios sobre lenguas mayas*, 1994. P. 168–210.
- Larsen, Norman 1979 — T. W. Larsen, W. M. Norman. Correlates of ergativity in Mayan grammar // F. Plank (ed.). *Ergativity*. N. Y.: Academic Press, 1979. P. 347–370.
- Laughlin 1977 — R. M. Laughlin. *Of Cabbages and Kings: Tales from Zinacantán*. Washington D. C.: Smithsonian Institution Press, 1977. (Smithsonian Contributions to Anthropology, 23).
- Laughlin 1980 — R. M. Laughlin. *Of Shoes and Ships and Sealing Wax: Sundries from Zinacantán*. Washington D. C.: Smithsonian Institution Press, 1980. (Smithsonian Contributions to Anthropology, 25).
- Laughlin 1988 — R. M. Laughlin. *The Great Tzotzil Dictionary of San Lorenzo Zinacantán with Grammatical Analysis and Historical Commentary*. Washington D. C.: Smithsonian Institution Press, 1988. (Smithsonian Contributions to Anthropology, 31).
- Lehmann 1993a — C. Lehmann. Predicate classes in Yucatec Maya // *Función* 13/14, 1993. P. 195–272.
- Lehmann 1993b — C. Lehmann. The genesis of auxiliaries in Yucatec Maya // *Proceedings of the International Congress of Linguists* 15, 2, 1993. P. 313–316.
- Lewis 2009 — M. P. Lewis (ed.). *Ethnologue: Languages of the World*, Sixteenth edition. Dallas, Texas: SIL International, 2009.
- Miestamo, van der Auwera 2011 — M. Miestamo, J. van der Auwera. Negation and perfective vs. imperfective aspect // J. Mortelmans, T. Mortelmans, W. de Mulder (eds.). *From now to eternity*. Amsterdam — New York: Rodopi, 2011. (Cahiers Chronos 22).
- Mithun 1995 — M. Mithun. On the relativity of irrealis // J. Bybee, S. Fleischman (eds.). *Modality in grammar and discourse*. Amsterdam: Benjamins, 1995. P. 367–388.
- Mondloch 1981 — J. L. Mondloch. *Voice in Quiche-Maya*. Ph. D. Diss. Albany, State University of New York at Albany, 1981.
- Polian 2007 — G. Polian. El sufijo -uk y la diversificación de la modalidad irrealis en tseltal. Paper presented at the Conference on Indigenous Languages of Latin America — III. Austin, Texas, 25–27 October 2007.

- Pye 2001 — C. Pye. La adquisición de la morfología verbal en el maya k'iche // C. Rojas, L. de León (eds.). *Procedimientos del IV Encuentro sobre Adquisición del Lenguaje*. México, 2001.
- Relatos... 2002 — Relatos Choles. *Albilbä tyi lakty'añ*. *Lenguas de México 6*. Consejo Nacional para la Cultura y las Artes, Dirección General de Culturas Populares e Indígenas. San Miguel Iztapalapa, México, 2002.
- Robertson 1980 — J. S. Robertson. The structure of pronoun incorporation in the Mayan verbal complex. New York: Garland, 1980.
- Robertson 1987 — J. S. Robertson. The Common Beginning and Evolution of the Tense-Aspect System of Tzotzil and Tzeltal Mayan // *International Journal of American Linguistics* 53, 4, 1987. P. 423–444.
- Robertson 1992 — J. S. Robertson. The history of tense / aspect / mood / voice in the Mayan verbal complex. Austin: University of Texas Press, 1992.
- Schwenter 1994 — S. A. Schwenter. «Hot news» and the grammaticalization of perfects // *Linguistics* 32, 6, 1994. P. 995–1028.
- Vázquez Álvarez 2002 — J. J. Vázquez Álvarez. 2002. *Morfología del verbo de la lengua chol de Tila, Chiapas*. Tesis de maestría no publicada. México D. F., CIESAS, 2002.
- Wichmann 2005 — S. Wichmann. Un panorama de las lenguas indígenas de México // B. de Jonge (ed.). *Las lenguas de México: México en Movimiento*, 11. Groningen: Groningen University, 2005. P. 111–140.
- Wichmann, Hull 2009 — S. Wichmann, K. Hull. Loanwords in Q'eqchi', a Mayan language of Guatemala // M. Haspelmath, U. Tadmor (eds.). *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 873–896.

Часть II

**АСПЕКТУАЛЬНЫЕ
КАТЕГОРИИ**

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЛАТИНСКИХ ПРЕВЕРБОВ: ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ

Проблема описания латинских глагольных приставок (превербов) — как семантики отдельных превербов, так и системы в целом — издавна привлекала внимание филологов-классиков и лингвистов. Среди ранних работ, в которых так или иначе затрагивается данная тематика, следует назвать, например, [Ernout, Thomas 1953 (1972); Leumann 1975], среди более новых — [García-Hernández 1985, 1989, 1995, 2005; Haverling 2000; Van Laer 2010]; отметим также статью [Vertossi в печати] о редких случаях тмемиса в латинском языке. Разделы, посвященные латинской префиксации, в частности, ее аспектуальным функциям, можно найти в классических грамматиках латинского языка [Hofmann, Szantyr 1965 (1972); Leuman 1977]; подробные сведения о словообразовательной и грамматической семантике превербов содержатся и в полных словарях латинского языка (см., например, [Glare 1982]). Вместе с тем, описание данных латинского языка на типологическом фоне и с учетом современных достижений аспектологической теории по-прежнему остается востребованным; это в особенности касается аспектуального «вклада» превербов, о котором преимущественно и пойдет речь ниже.

Настоящая статья не претендует, разумеется, на исчерпывающее описание этой достаточно сложной области, связанной, с одной стороны, с проблематикой индоевропейской и праиталийской глагольной реконструкции, а, с другой стороны, с изучением эволюции самого латинского языка и ранних романских систем. Мы постараемся лишь очертить основные проблемы, связанные с описанием грамматических особенностей латинской системы превербов (прежде всего, в плане их аспектуальной функции), а также коснемся семантической мотивации множественной глагольной префиксации, причем всюду, где это возможно, мы постараемся рассмотреть эту проблематику в типологическом контексте.